

МГНОВЕНИЯ ПРОШЕДШЕГО ТЕАТРАЛЬНОГО СЕЗОНА (II)

На вечерах одного актера в зале царила напряженная тишина. Насколько такое признание красноречивее бурных аплодисментов!

Мы, наверное, настолько привыкли к одномерности нашей драматургии и нашего театра, что, когда на сцену выходит вдруг сложный, противоречивый, несовершенный, но все же человек, то кажется, что каждое слово его мы должны принимать всерьез. И отклики в печати говорят о возможности именно такой реакции.

И впрямь — кроме Вилли Ломана и Эугена Яннзена в исполнении Хейно Мандри, мы, пожалуй, не сможем назвать в эстонском театре другой сценический образ, который, несмотря на личное обаяние и увлекательность рассказа, с такой полнотой представил бы посредственность своего времени и общества. Чьи слабости не

только дополняют его сильные стороны, но усиливают их, превращая в явления. Случайно ли, что и «Час во вращающемся кресле», и «Смерть коммивояжера» поставил Микк Миккисер?

Суть «Часа во вращающемся кресле» в рассказе Эугена Яннзена о трагической жизни своего отца, первого эстонского профессионального журналиста Иоханна Вольдемара Яннзена. Оба они — и отец, и сын — здесь, перед нами. И мир, увиденный их глазами. И одновременно — мир авторов, постановщика, актера, зрителей. Все эти миры вместе рождают нечто более серьезное, объективное.

Потому что достоинство спектакля именно в полноте отвата бытия и точности выбора — одновременно. Новаторство, или современное своеобразие, в том, что выбор не предлагается навязчиво, что невозможно выделить «свои секторы» автора, постановщика и актера. В одном из недавних интервью Эдуардо де Филиппо назвал такой театр наиболее совершенным.

Хейно Мандри ежесекундно создает свой образ так, что нельзя сказать — КТО плохой, а кто хороший. Его человек слишком живой для

таких определений, слишком сложен. Тем насущнее встает вопрос: ЧТО хорошо, а что плохо?

Игра-монолог Марье Метсур (остальные актеры служат лишь фоном) в инсценировке Мати Унта «Исповедь гадюки» по повести А. Толстого «Гадюка» свидетельствует об актерской зрелости исполнительницы. Сказанное следует понимать в том смысле, что актриса находится в самой лучшей творческой форме и нуждается во все более сложных заданиях.

Копание в чувственных порывах не свойственно актерской культуре М. Метсур. Это привлекает и в названном спектакле. Лучшая его часть начинается там, где измученной душе предлагается новая роль: посыльной в кавалерийском эскадроне времен гражданской войны.

Человеческое счастье, самое прекрасное из чувств, которое носят в себе и которое непостижимым образом излучает все существо человека, — на нашей сцене нередко выглядело фальшиво, сиропнослащаво. Скупыми средствами делает М. Метсур зрителя соучастником привязанностей своей героини, соединяя поэтичность и суровость бытия. Столкновения

тоски человека по счастью с жестокими требованиями времени рождают мгновения особого, высокого напряжения.

Спектакль «В вихре ветров» А. Китцберга, который идет в малом зале Театра драмы, — событие в сценической жизни этой драмы.

Остро чувствующий социальные стороны жизни постановщик Миккисер на сей раз больше доверяет столь же остро чувствующему эмоциональные движения человеческой души актеру Миккисеру. Умение минимальными внешними средствами передать максимальное внутреннее напряжение, борьбу с самим собой — одна из наиболее сильных сторон спектакля. Прекрасные мгновения принадлежат Хелле Пихлак. О смятении сидящей лицом к залу Лезны — Пихлак говорят глаза, пальцы, механически перебирающие шнурок, хрипловатый голос, не подчиняющийся говорящему, — в этой статике открывается внутренняя трагедия.

Редко удается ощутить в театре присутствие великой фигуры, великого духа. Шекспир Юри Ярвета («Винго» в Театре драмы) позволяет это.

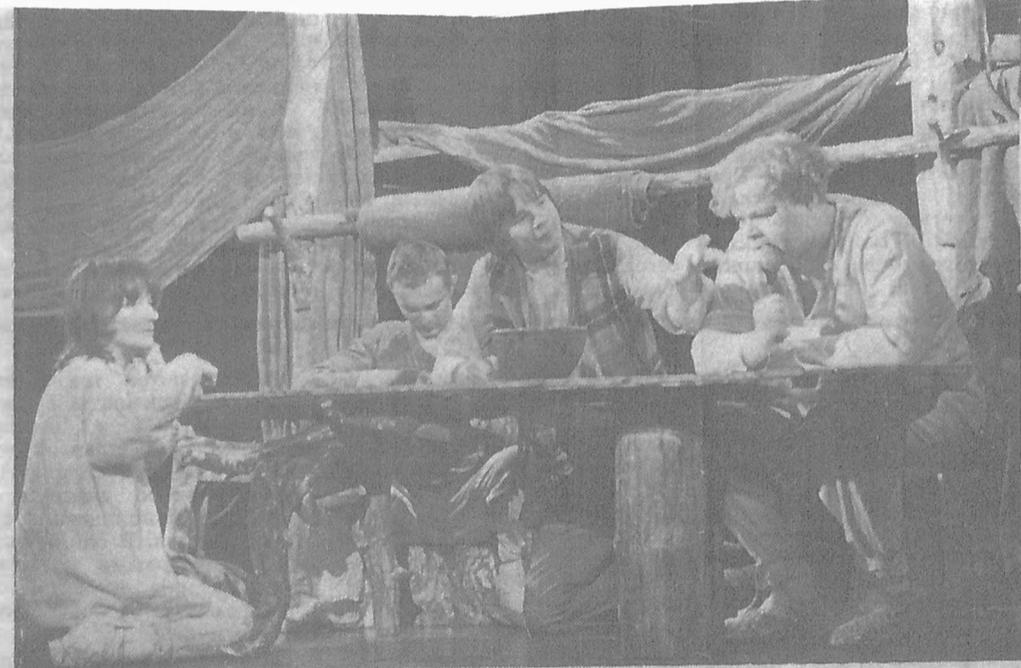
Человек, который понимает все, но не может больше ничего, даже ощущать вину или страдать из-за своей беспомощности. Самая масштабная трагедия сезона. Высочайшие духовные мгновения сезона.

Но здесь же и самые высокие трагикомические мгновения. Когда двое несчастных изгоев, отбросов — в глазах порядочных людей — Старик Рейна Арена и Девочка Элле Кулл, подражая ритуальному поведению высших слоев, издеваются над ним.

Искренне прочувствованная человеческая трагедия открывается в образе батрака Яака, сыгранного Айном Лутсеппом в инсценировке романа М. Траата «Дерева, братья мои родимые» (режиссер Мерле Карусоо). Откуда в молодом актере столько глубины в осмыслении прошлого своего народа?

И, наконец, театр на открытом воздухе. «Игра в оборотня» по А. Китцбергу. Когда во дворе хутора в Парке-музее под рокот барабана появлялся в сопровождении своих актеров Яан Тооминг в волчьей шкуре и шапке-ушанке, это был один из самых впечатляющих парадозов (так в античной трагедии называлось появление на сцене хора), вообще когда-либо виденных в эстонском театре.

ЛИЛИАН ВЕЛЛЕРАНД,
КАРИН КАСЬК.

Сцена из дипломного спектакля «Дерева, братья мои родимые». Справа: Айн Лутсепп, Ойва Каупинен, Арво Кукумяги и Марет Мурса. Фото Гуннара Вайдала.